И.Е. Суриков

ГЕРОДОТ И СОФОКЛ, НЕ ЗАМЕТИВШИЕ ДРУГ ДРУГА?

(К оценке одной недавней гипотезы)

Согласно общепринятому мнению, Геродот и Софокл были знакомы и лично близки. Двумя основными аргументами являются наличие параллельных мест у двух авторов и эпиграмма Софокла с упоминанием Геродота (сохранилось только начало). В статье рассматривается недавно предпринятая А.А. Синицыным попытка опровергнуть эти ключевые тезисы и указывается, что аргументов в пользу этого скептицизма явно недостаточно, так что традиционная точка зрения остается в силе.

Ключевые слова: Афины, Геродот, Софокл, трагедия, историописание, взаимовлияния.

Софокл и Геродот традиционно (и вполне оправданно) характеризуются как близкие друг к другу по духу представители древнегреческой культуры. Не вызывает сомнения наличие ряда черт сходства в мировоззрении двух названных авторов (в особенной степени это относится к их религиозно-этическим взглядам). Поэтому вполне закономерно, что уже очень давно была высказана точка зрения, согласно которой драматург и историк и в жизни были знакомы, даже близки. На сегодняшний день эта точка зрения является общепринятой, присутствует в десятках, если не сотнях работ – как общих, так и специальных¹. Всегда считал (и поныне считает) вполне правомерной подобную постановку вопроса и автор этих строк, – впрочем, несколько смещая акценты по сравнению с преобладающей в науке концепцией.

Различие в следующем: обычно связи Геродота и Софокла ставят в контекст принадлежности обоих к «кружку интеллектуалов», сформировавшемуся в Афинах вокруг Перикла и Аспасии в 440-е годы до н.э.² Однако в последнее время само

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект 07-01-00050а).

¹ Например: Jacoby 1913, 232–237; Whitman 1951, 14; Ehrenberg 1956, 36, 169; Egemann 1962; Hart 1982, 31 ff., 159, 168, 175; How, Wells, 1989, 7; Lendle 1992, 40; Bichler, Rollinger 2000, 112; Saïd 2002; Dewald, Kitzinger 2006; Griffin 2006; Hornblower 2006; Магаффи 1882, 256; Зелинский 1912; Лурье 1947а, 19 слл., 23; Лурье 1947б, 100, 113 слл.; Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 5; Кузнецова, Миллер 1984, 20; Скржинская 1985; 1991, 118–119, 122; Туманс 2002, 419. Специально подчеркнем, что мы даем чисто выборочный перечень, включающий работы, знакомые нам лучше других; а в целом список исследователей, придерживающихся данного мнения, мог бы быть многократно увеличен. Ср. более обширные подборки в чрезвычайно фундированном справочном аппарате статей А.А. Синицына, о которых далее пойдет речь (см. прим. 7).

² См. одно из наиболее акцентированных и настойчивых утверждений о существовании такого кружка (с категоричными высказываниями о его персональном составе) в работе: Schachermeyr 1968.

существование такого кружка все чаще ставится под сомнение в исследовательской литературе³. Чрезмерный скептицизм в этом вопросе, пожалуй, и неуместен. Однако нам уже давно и неоднократно доводилось аргументировать тезис о том, что Софокл никогда не был сторонником Перикла, а по крайней мере в молодые годы принадлежал к группировке его противника Кимона и Филаидов в целом⁴. А в последнее время мы все больше склоняемся к мнению, что ровно то же самое можно сказать и о Геродоте⁵. Иными словами, именно в рамках «кружка Кимона» (а он возник заведомо раньше, чем «кружок Перикла»⁶) могла сложиться дружба «отца истории» и великого автора трагедий.

В любом случае, утверждая о реальности этой дружбы, специалисты принимают во внимание, помимо соображений общемировоззренческого порядка и имеющихся данных о визите или визитах Геродота в Афины (Plut. Mor. 862b; Euseb. Chron. Ol. 83, 4), также следующие обстоятельства: сохраненный Плутархом (Mor. 785b) отрывок (первые полторы строки) стихотворения Софокла, адресованного Геродоту, и достаточно многочисленные случаи параллельных мест (временами прямых совпадений) в геродотовой «Истории» и софокловых драмах, свидетельствующих о том, что два писателя, как минимум, знали произведения друг друга.

Однако совсем недавно позицию, радикально противостоящую господствующей, выразил в нескольких больших, весьма интересных статьях антиковед А.А. Сеницын⁷. По его мнению, «нельзя с уверенностью сказать не только о дружественных отношениях или симпатиях историка и драматурга, но и об их знакомстве»⁸. На чем же основан скептицизм?

Он был бы, несомненно, вполне уместен, если бы удалось доказать, что Геродот никогда не бывал в Афинах – месте обитания Софокла. Ибо тогда двум великим грекам действительно негде было бы встретиться. Геродот длительный период своей жизни, после изгнания из Галикарнасса, провел на Самосе; Софокл посещал этот остров дважды, оба раза в качестве стратега, но это было в 440–439 годах и около 428 г. до н.э.⁹, т.е. тогда, когда Геродот уже отправился в Фурии.

Подобная мысль – о том, что «отец истории» не приезжал в Афины, – высказывалась в литературе, кажется, один-единственный раз¹⁰, но абсолютно никем не была поддержана¹¹. И это вполне закономерно: уж слишком откровенно она противоречит прямым указаниям источников¹². Все остальные ученые солидарны

³ Stadter 1991; Will 1995, 59 ff.; 2003, 309 ff.

⁴ Суриков 1997; 1999; 2000, 208; 2002a, 267 слл.; 2008a, 230 слл.

⁵ Суриков 2008б; 2009a; Surikov 2009.

⁶ В него входили живописец Полигнот, философ Архелай, историк Ферекид, скульптор Фидий (на раннем этапе своей карьеры) и др. См. подробнее: Суриков 2008a, 228 слл.

⁷ Сеницын 2006; 2008a; 2008б.

⁸ Сеницын 2008a, 416.

⁹ Суриков 2002a, 266–267.

¹⁰ Podlecki 1977.

¹¹ Дж. Маринкола, исчерпывающе изучивший историографию вопроса, не знает таких примеров: Marincola 2001, 21–22.

¹² Не будем забывать и о том, что Геродот принял участие в основании Фурий; возможно, он являлся даже одним из ойкистов этой колонии, – во всяком случае, после смерти его похоронили на фурийской агоре (*Suid.* s.v. Ἡρόδοτος; ср. также стихотворную эпитафию на могиле Геродота в Фуриях: *Steph. Byz.* s.v. Φούριοι). А Фурии, при всем своем панэллинском характере, основывались под эгидой Афин – по инициативе Фукидида, сына Мелесия, впоследствии ловко перехваченной Периклом. Об обстоятельствах основания Фурий см.: Wade-Gery 1958, 239–270; Ehrenberg 1965, 298–315; Строгоцкий 1987; Касаткина, Антонов 1999.

в том, что Геродот совершал поездки в афинский полис, поддерживал с его элитой тесные контакты, что во многом повлияло и на само содержание его труда¹³. Правда, иногда утверждается, что традиционное представление о проафинской тенденции «Истории» неверно, а на самом деле сочинение написано с противоположных позиций¹⁴; но это крайняя, гиперкритическая точка зрения, тоже не находящая себе большого числа сторонников. Ведь достаточно перечитать геродотовский панегирик афинянам, «спасителям Эллады» (VII. 139), в котором прямо говорится, что если бы не они, эллинам не отразить бы агрессии Ксеркса, – и любые сомнения рассеиваются. В сущности, вся история Греко-персидских войн изложена у Геродота *sub specie Atheniensium*, воспроизводит стереотипы, сложившиеся в афинской традиции, особенно в рамках жанра эпитафия (надгробной речи)¹⁵.

Со всем этим не склонен спорить и А.А. Сеницын. Он пишет: «Не приходится сомневаться в том, что Геродот был в Афинах, вероятно, жил в этом полисе довольно длительное время и пользовался там большой популярностью»¹⁶. Таким образом, его встречи с Софоклом не исключены. «Это вполне можно вообразить... Однако все предположения здесь допустимы лишь в условном наклонении; они – суть только дело вкуса, не более того... Это, конечно, могло быть, но не факт, что так оно и было на самом деле, поскольку источники об этом умалчивают. А за пределами источника – все только фантазии и домыслы»¹⁷.

Подобная методологическая позиция представляется достаточно странной и даже несколько удручает. Если ее последовательно придерживаться, получается, что фантазией и домыслом является любая исследовательская работа, которая не представляет собой голый пересказ источников, а содержит какие-либо концепции, интерпретации или обобщения, что само по себе уже есть некий выход за рамки источников. В рамках данной ригористической дихотомии, предполагающей, что возможны только либо следование букве источника, либо «фантазии и домыслы», оказывается не имеющей права на существование такая вещь, как научная гипотеза. Подобный подход нам крайне не близок.

Впрочем, обращает на себя внимание и то необычное обстоятельство, что сам же А.А. Сеницын, заявив о своей приверженности этому подходу, на деле отнюдь не следует ему во всей строгости, т.е. не чуждается гипотетических построений. Так, он активно защищает предположение, согласно которому «отец трагедии» Эсхил посетил Египет¹⁸, хотя ни в одном источнике об этом нет ни слова, ни полуслова; с энтузиазмом присоединяется к весьма проблематичной и уязвимой догадке У. Колдера¹⁹ о том, что мастер скульптурных групп на фронтонах храма Зевса в Олимпии опирался в своей работе на какой-то конкретный литературный источ-

¹³ По часто исследовавшейся теме «Геродот и Афины» укажем лишь несколько относительно недавних работ: Ostwald 1991; Forsdyke 2001; Moles 2002; Fowler 2003.

¹⁴ В наиболее выраженной форме: Strasburger 1955.

¹⁵ Об эпитафии и специфики отражения в нем исторических событий см.: Weber 1935; Loraux 1981 (книга, особенно богатая ценнейшими наблюдениями); Ziolkowski 1981; Суриков 2008б. Интересно, что жанр эпитафия повлиял и на зрелое творчество Софокла (см. Bennett, Tugrell 1990).

¹⁶ Сеницын 2006, 399.

¹⁷ Сеницын 2008а, 417.

¹⁸ Сеницын 2006, 391–393.

¹⁹ Calder 2006, 175–192 (статья об «Эномае» Софокла, вошедшая в этот том избранных статей Колдера, впервые была опубликована в 1974 г.).

ник²⁰; отстаивает также ни на какие свидетельства источников не опирающуюся альтернативную версию об идентификации Геродота – адресата стихотворения Софокла (не историк, а возлюбленный мальчик)²¹. На двух последних сюжетах мы еще остановимся в дальнейшем более подробно, а пока отметим: вряд ли в науке конструктивно применение «двойных стандартов», когда исследователь позволяет самому себе то, в чем другим отказывает.

Свое опровержение традиционной точки зрения А.А. Сеницын строит по двум основным линиям. Во-первых, он показывает, что некоторые параллельные места и совпадения у Софокла и Геродота на деле являются мнимыми; во-вторых, старается продемонстрировать, что сохранившееся у Плутарха начало софокловой эпиграммы не является достоверным историческим источником, ни о чем не свидетельствует, да и вообще не принадлежит Софоклу, а представляет собой позднюю подделку. Соответственно, по тем же двум линиям пойдет и наша контраргументация.

* * *

Сразу оговорим: невозможно не согласиться с тем, что многие наблюдения А.А. Сеницына вполне верны. Так, у Геродота (IV. 64) рассказывается об экзотическом скифском обычае – скальпировании убитых противников. Тот же обычай упоминается Софоклом в дошедшей во фрагментах трагедии «Эномай» (fr. 473 Radt). Нередко из этого делается вывод, что драматург позаимствовал приведенную информацию из труда «отца истории».

Как справедливо указывает А.А. Сеницын, данный довод не является корректным, поскольку «Эномай» – одна из самых ранних драм Софокла, которая была написана еще в 460-х годах до н.э. Точно так же считаем и мы, поскольку любая другая датировка произведения по сравнению с приведенной значительно менее приемлема.

Правда, мотивы подобного датирования у нас принципиально иные, нежели у А.А. Сеницына. Он, как отмечалось выше, «берет в союзники» У. Колдера, согласно которому «Эномай» был поставлен на Великих Дионисиях 468 г. до н.э. и повлиял на выбор сюжета для восточного фронтона олимпийского храма (состязание Пелопа и Эномая). Однако это, повторим, всего лишь красивая догадка, исходящая из допущения, что скульптор обязательно опирался на письменный источник, – допущения крайне маловероятного, по сути же просто ошибочного. Автор олимпийских (как и любых других) фронтонов брал за основу для своего творения, естественно, не какую-то литературу, а соответствующие мифы. Миф же о Пелопе и Эномае был в Элиде и Олимпии местным; там его, конечно, знали задолго до появления драмы Софокла (когда бы она ни была написана). Ведь, кажется, никто еще не пытался доказывать, что «мастер Олимпии» был афинянином²².

К выкладкам Колдера А.А. Сеницын приводит для подкрепления несколько собственных аргументов филологического характера. Однако приходится признать, что ни один из них не имеет сколько-нибудь прочной доказательной силы, – особенно учитывая, что речь идет о трагедии, от которой дошло всего лишь не-

²⁰ Сеницын 2008б, 274–276.

²¹ Сеницын 2008а, 397 слл.

²² О «мастере Олимпии» – выдающемся скульпторе пелопоннесской школы, возможно, выходец из Элиды, см. Суриков 2001, 266–268 (с указаниями на предшествующую литературу).

сколько небольших фрагментов, так что мы не имеем никакого морального права ответственно давать ей целостную филологическую характеристику²³.

Мы же относим «Эномая» к 460-м годам до н.э. по иным основаниям, а именно исходя из несомненно верного, на наш взгляд, тезиса о политической актуальности аттической трагедии – актуальности, о которой нам уже не раз доводилось писать²⁴. Трагедиографы живо реагировали на злободневные вопросы как внутренней, так и внешней политики, отражали в своих произведениях конкретные исторические факты, – но отражали, естественно, в символической форме, поскольку специфика жанра позволяла поэтам брать фабулы для драм из мифологии, но не из современной им реальности.

Сказанное и побуждает поставить вопрос: в какой именно момент длительной литературной деятельности Софокла из-под его пера могло с наибольшей вероятностью выйти произведение, написанное на сюжет из элидо-олимпийского цикла мифов, вообще-то весьма мало востребованного на афинском театре? Здесь нужно учитывать, что на рубеже 470-х – 460-х годов до н.э. в истории Элиды происходят весьма важные события. Хотя есть мнение, что демократия в этом государстве существовала уже к рубежу VI–V вв. до н.э.²⁵, нам, однако, представляется, что установление этого государственного строя (во всяком случае, в его развитой форме) с большей вероятностью следует датировать несколькими десятилетиями позже и связывать с рядом вот каких, несомненно, тесно сопряженных перемен.

На 471 год до н.э. (Diod. XI. 54. 1) падает синойкизм Элиды, в ходе которого она окончательно превращается в полноценный полис (хотя все же не совсем типичный). Около того же времени элидянами разрушена Писа, издавна конкурировавшая с Элидой за контроль над Олимпийским святилищем. Не лишним будет напомнить, что Писа – центр более древний, и, согласно мифам, именно ее царями являлись Эномай, а затем Пелоп. Теперь же она прекратила существование как политическое образование.

Именно с конца 470-х годов до н.э. в Элиде появляются десять фил (раньше их число было меньшим); соответственно, число элланодиков, судивших олимпийские состязания и назначавшихся из числа элидских граждан, тоже становятся равным десяти. П.А. Евдокимов в специальном исследовании²⁶ считает возможным в связи с этим говорить о «некоторой демократизации политического режима Элиды»²⁶, причем не исключает афинского влияния²⁷ (известно, что в 470-е годы до н.э. с Элидой поддерживал контакты Фемистокл). Нам же, со своей стороны,

²³ С сожалением констатируем, что, приводя эти доводы, А.А. Сеницын допускает в одном месте досадную неточность: пишет о возвратном местоимении, стоящем в именительном падеже (Сеницын 2008б, 276). Возвратное местоимение именительного падежа по определению не имеет (см. хотя бы: Соболевский 2000, 71). Может показаться, что мы придираемся к мелочам. Однако для статей, в которых, как у А.А. Сеницына, аргументация строится на филологическом знании и на акрибии в этой области, подобные неточности именно филологического характера особенно вредны, поскольку подрывают сами принципы этой аргументации.

²⁴ Суриков 1999; 2002б; 2005; 2007а, 161–186; 2008в. Применительно конкретно к Софоклу см., например: Kukofka 1992.

²⁵ Robinson 1997, 108–111.

²⁶ Евдокимов 2004, 147. Не можем не отметить, что приводимый в этом месте нашей статьи перечень фактов из истории Элиды основывается на данных этого весьма ценного исследования, которое, к сожалению, пока остается неопубликованным.

²⁷ Евдокимов 2004, 153.

представляется практически несомненным, что такое влияние имело место: обратим внимание на то, что реформа фил проведена просто-таки по клисфеновскому образцу²⁸.

Иными словами, на рассматриваемом хронологическом отрезке имело место укрепление афино-элидских связей, сближение двух государств, на что и мог откликнуться Софокл, написав трагедию по одному из важнейших сказаний, бытовавших в Элиде. В дальнейшем столь же насущного повода для актуализации в Афинах мифов из этого региона, кажется, не возникало. Кстати, в данном контексте ключевое событие драмы «Эномай» – гибель заглавного героя – должно было символизировать недавно случившуюся ликвидацию Писы.

Итак, ранняя датировка «Эномая» наиболее правомерна. Соответственно, резонным является и вывод А.А. Синицына о том, что Софокл не заимствовал сведения о принятом у скифов скальпировании из Геродота, а взял их из какого-то иного источника. Есть, правда, одно несколько смущающее обстоятельство. Софокл в 460-х годах до н.э. говорит об упомянутом скифском обычае мимоходом, – точнее, даже использует его для сравнения («по-скифски волосы содрал у них на утиральники»). Из этого однозначно вытекает, что его афинской аудитории обычай прекрасно знаком, так что не требует никаких специальных пояснений.

С другой же стороны, Геродот в «Истории» описывает то же скальпирование во всей полноте деталей (подчас довольно тошнотворных). Получает, что его потенциальным читателям обычай еще не известен, потому-то о нем и нужно рассказать подробно! В результате выходит парадокс: в 460-х годах до н.э. интересующая нас практика северочерноморских кочевников грекам хорошо знакома, а потом почему-то вновь оказывается незнакомой, и «отец истории» вынужден вдаваться в разъяснения.

Объяснению обозначенный парадокс поддается с трудом. Ведь не можем же мы предположить, что скифский логос Геродота²⁹ (или какие-то его части) были написаны раньше «Эномая». Это обозначало бы, что будущий историк посетил Скифию не позже 460-х годов до н.э., и тогда же эти тексты дошли до афинских читателей и повлияли на Софокла. Традиционная дата рождения Геродота – 484 год до н.э., дающаяся по указанию Авла Геллия (XV. 23) со ссылкой на Памфила, писательницу I в. н.э., может быть, не слишком точна³⁰, но вряд ли и сильно отличается от истины. По Диодору (II. 32. 2), он родился «во времена Ксеркса» (т.е. не ранее 486 г. до н.э., когда начал править Ксеркс), по Дионисию Галикарнасскому (De Thuc. 5) – «немного раньше Персидских войн», под которыми в данном случае, несомненно, следует понимать поход Ксеркса на Грецию в 480–479 годы до н.э.

Одним словом, все указывает на то, что Геродот родился в 480-е годы до н.э., причем скорее во второй, чем в первой половине этого десятилетия. Около 468 г.

²⁸ Как и предполагал еще Белох: 2009, 364.

²⁹ Литература о скифском логосе Геродота неисчерпаема, и мы не имеем здесь абсолютной никакой возможности (да и необходимости в этом нет) дать хоть сколько-нибудь полную ее сводку. Укажем поэтому лишь на две монографии, представляющиеся нам особенно значимыми. В отечественной историографии это образцово подготовленный труд: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. На мировом же уровне сразу после своего выхода стало (и поныне остается) классическим исследование, построенное преимущественно именно на материале скифского логоса: Hartog 1980.

³⁰ Геллий в указанном месте приводит даты рождения трех древнегреческих историков – Гелланика, Геродота и Фукидида – и, как минимум, в случае с последним ошибается лет на 10–15, что заставляет настороженно относиться и к остальным его датировкам.

до н.э. он, будучи совсем еще молодым человеком, вместе со своим дядей – знаменитым эпическим поэтом Паниасидом – принял участие в заговоре против галикарнасского тирана Лигдамида, который потерпел поражение; в результате Паниасид был казнен, а юному Геродоту пришлось бежать с родины на Самос³¹. Крайне маловероятно, что немедленно после этого он отправился в Северное Причерноморье (поездку туда следует относить к 440-м годам до н.э., но вряд ли и позже). Таким образом, скифский логос никак не мог быть написан в 460-е годы до н.э.

Возможно, Геродот так подробно описал скифский обычай скальпирования потому, что ориентировал свой труд не только на афинских читателей (которые лучше многих других греков были знакомы со скифами, на чем мы остановимся чуть ниже). Похоже, что к скифскому логосу сказанное относится в особенной степени. В частности, описывая очертания Крыма, отец истории сравнивает его с двумя другими регионами – Аттикой и Япигией (Herod. IV. 99). Если упоминание Аттики в данной связи не нуждается в объяснениях, то использование для сравнения Япигии наилучшим образом укладывается в контекст последнего периода деятельности Геродота, когда он жил уже в италийских Фуриях. Для жителей Великой Греции, весьма значительно удаленной от Понта Евксинского, скифские реалии, конечно, приходилось разяснять в деталях.

Разумеется, мы ни в коей мере не претендуем на то, что нашли решение обозначенной сложной проблемы, а просто хотим указать на само ее существование. Возвращаясь же к гипотезе А.А. Сеницына, отметим теперь, что он высказывает и позитивное суждение о том, откуда Софокл мог узнать о принятом в Скифии обычае скальпирования врагов: от скифских стражников, отряд которых в V в. до н.э. стоял в Афинах³². Наличие последнего, – возможно, даже с 470-х годов до н.э. – сомнению не подвергается³³. Однако представим себе ситуацию: Софокл приходит к этим скифам и начинает их расспрашивать об их туземных обычаях. Подобная картина не кажется реалистичной по следующим соображениям.

Во-первых, Софокл – не историк-исследователь, не Геродот, который, как он неоднократно демонстративно заявляет, ставил себе задачей расспрашивать всех обо всем. Софокл был поэтом, и цели его были совершенно иными, расспросы свидетелей отнюдь не предусматривались его ремеслом. Во-вторых, даже если бы такие «интервью» имели место, что бы могли рассказать драматургу эти скифские лучники, буквально за несколько лет до того привезенные в Афины? Из комедий Аристофана прекрасно известно, каким грубо-ломаным греческим языком, не умея связать пару слов, они изъяснялись даже в конце V в. до н.э. А fortiori невозможно представить, что в 460-е годы до н.э. они бы вдруг начали посвящать Софокла в свои древние обычаи (пришлось бы предположить, что среди скифских рабов-«полицейских» в Афинах имелись свои Анахарсисы).

Нам же, со своей стороны, кажется имеющим большее право на существование следующий ход мысли: сам тот факт, что афиняне приобрели контингент страж-

³¹ Суриков 2009б.

³² Сеницын 2008б, 282–283. Заметим тут же, что и в указанном месте, и по всему ходу разбираемой статьи А.А. Сеницын называет этих скифских лучников наемниками, хотя на самом деле речь должна идти об отряде рабов-скифов, закупленном афинским полисом.

³³ О них см.: Фролов 1998. Работая с этой статьей, необходимо учитывать, что некоторые ее выводы были подвергнуты критике (Иванчик, 2002). См. также: Braund 2006 (но в этой статье также встречаются грубые фактические ошибки: например, философ Спевсипп, родившийся около 410 г. до н.э., назван внуком Платона, родившегося около 427 г. до н.э.).

ников не где-нибудь, а в Скифии, со всей безусловностью показывает, что они уже были достаточно хорошо знакомы со скифами (а значит – и с их нравами). И уж, во всяком случае, для переправки этого отряда с берегов Понта туда должно было отправиться афинское посольство, члены которого в Северном Причерноморье наверняка не упустили возможности собрать как можно больше сведений о людях, которых они повезут на свою родину для длительного пребывания. В этих гражданах Афин, а не в самих доставленных скифах, скорее можно видеть источник информации, использованной Софоклом.

В другой своей статье А.А. Сеницын развенчивает еще один «историографический миф» – о том, что Софокл позаимствовал у Геродота данные о некоторых животных долины Нила. В египетском логосе «отец истории» повествует, в числе прочего, о кошках и ихневмонах (Herod. II. 66–67). И те же млекопитающие встречаются в сатировой драме Софокла «Следопыты», из чего нередко и делается вывод о заимствовании: ведь домашних кошек эллины, в отличие от египтян, в рассматриваемую эпоху еще не держали, а ихневмоны в Греции вообще не водятся.

А.А. Сеницын в связи с этим резонно отмечает два следующих важных обстоятельства. Во-первых, ни из чего не следует, что в «Следопытах» идет речь именно о домашней кошке, дикие же кошки в греческом мире античной эпохи, несомненно, встречались. Во-вторых, странно было бы полагать, что Геродот, побывавший в Египте не раньше 450-х годов до н.э.³⁴, был первым, кто принес в Афины весть о тамошней экзотической фауне. Прекрасно известно, что еще в архаическую эпоху «страну фараонов» неоднократно посещали представители древнегреческой интеллигентной элиты (Фалес, Пифагор, Гекатей и др.). Не отставали от представителей других полисов также и афиняне: Египет был одним из пунктов путешествия Солон в начале VI в. до н.э. А между тем как раз этот мудрец-законодатель отличался большой любознательностью; *ἡρώακω δ' αἰεὶ πολὺὰ διδάσκόμενος*, – писал он даже на склоне лет (Sol. fr. 22 Diehl)³⁵.

Все сказанное верно, особенно если учитывать, что в историографии преобладает ранняя датировка «Следопытов» Софокла (не позднее начала 450-х гг. до н.э.). Последнее, впрочем, нельзя доказать с абсолютной убедительностью, возможны в основном лишь косвенные доводы. Ведь хронология творчества второго из триады великих аттических трагедиографов относится к сложнейшим проблемам антиковедения, где почти ни в чем нет ясности.

Как бы то ни было, ключевые моменты аргументации Сеницына – о кошке и ихневмоне афиняне, в том числе Софокл, безусловно, знали еще до прибытия в их город Геродота – нельзя подвергать ни малейшему сомнению. В то же время все-

³⁴ Подробный разбор вопроса о времени поездки «отца истории» в Египет см. в лучшем на сегодняшний день, самом фундаментальном исследовании этой части его труда: Lloyd 1975, 61 ff. А. Ллойд склоняется к тому, что этот визит имел место между 449 и 430 годами до н.э., а более точная – и при этом ответственная – датировка невозможна. Нам, впрочем, представляется, что нельзя исключать и несколько более раннюю датировку (454–449 годы до н.э.), но это в данном случае не принципиально.

³⁵ Геродот (I. 30) специально оговаривает, что Солон поехал в Египет, «чтобы повидать чужие страны (*τῆς θεωρίας... εἶνεκεν*)». К содержанию этого понятия см. Ker 2000. Ср. также Reeker 1971; Piccirilli 1976. По отношению к поездке Солон в Египет в историографии подчас заметна гиперкритическая тенденция. См., например: Lloyd 1975, 55–57, где отрицается факт этого визита. Для подобного гиперкритицизма нет ровно никаких оснований, тем более что сам Солон (fr. 6 Diehl) упоминает в стихах о своем пребывании в этой стране.

таки представляется заслуживающим внимания (и пока не получившим удовлетворительного объяснения) сам факт совпадения: и в труде галикарнасца (Herod. II. 66–67), и в пьесе афинского драматурга (Soph. Ichn. 303–305) говорится о кошках и сразу непосредственно после этого – об ихневмонах. Нельзя избавиться от ощущения, что это не простая случайность. Или перед нами – некий стандартный топос классической греческой мысли, заставлявший, подумав о кошке, тут же вспомнить об ихневмоне? В принципе, нельзя исключать и такой возможности³⁶.

Главное, однако, заключается не в этом, а в том, о чем сейчас пойдет речь. Да, два рассмотренных параллельных места у Геродота и Софокла не могут служить свидетельствами заимствования материала одним у другого. Но если бы эти два места были единственными! А как же быть с другими случаями совпадений, повторим, довольно многочисленными? Только тогда, когда будет продемонстрировано (А.А. Синицыным или кем бы то ни было другим), что все они тоже нимало не доказывают связей историка и поэта, традиционное мнение можно будет считать опровергнутым. Но это вряд ли когда-нибудь будет продемонстрировано, потому что источниковый материал будет слишком уж сильно сопротивляться такой интерпретации.

Разумеется, параллель параллели рознь. Если, допустим, и у Геродота³⁷, и у Софокла³⁸ мы довольно часто встречаем мысли о человеческом бытии как горестном уделе, об изменчивости судьбы и непрочности счастья, о невозможности надежно предугадать грядущее, – то в подобной связи вряд ли уместно говорить о каких-либо прямых взаимовлияниях: перед нами устойчивые «общие места» этических воззрений эллинов классической эпохи, вполне закономерно проявляющиеся и у двух интересующих нас писателей, как и у многих других³⁹. Равным образом, проскальзывающие иногда у обоих авторов нотки презрительного, негативного отношения к женщинам (например: Herod. I. 207; Soph. Ant. 680, 740, 746, 756) тоже отнюдь не являют чего-то уникального для них, а чрезвычайно часты в греческой античности в целом⁴⁰.

Опять, ни о каких связях между историком и драматургом еще не говорят имеющиеся в их произведениях схожие мифологические мотивы. Такова, например, мифологема ребенка, обреченного на смерть, но игрою случая спасенного. У Геродота это Кир, Кипсел; у Софокла – Эдип, Парис и др. Налицо огромная распространенность подобных сюжетов в самых различных традициях Средиземноморья (на па-

³⁶ А.А. Синицын (2006, 385) замечает, что некоторые античные авторы находили сходство во внешнем облике кошки и ихневмона.

³⁷ Herod. I. 31–32; I. 86; III. 40–43; VII. 46 и др.

³⁸ Soph. Aj. 1244 sqq., 1418 sqq.; Ant. 613–614, 1155 sqq.; Oed. Rex 872 sqq., 1528–1530; Trach. 1–3, 943 sqq.; Oed. Col. 1211 sqq., 1225 sqq.; fr. 592–593 Radt, 646 Radt и др.

³⁹ Специально об этике Софокла см. Blundell 1991. Основные этические мотивы у Геродота очень удачно, кратко и емко изложены в работе: Solmsen, 1974, 5. В сущности, взгляды обоих авторов восходят к Солону, чья позиция получила в Греции очень широкое распространение (см. Irwin 1985, 91).

⁴⁰ Подробнее см. Суриков 2006. Отмечалось (Marincola 2001, 54), что Геродот на фоне общей, довольно женоненавистнической позиции, проявляющейся в литературе и общественной мысли его эпохи, еще выделяется в лучшую сторону: у него нередко встречаются образы благородных, мужественных, мудрых женщин (Томирида, Артемисия и др.). Мы, со своей стороны, отметим, что последнее вполне справедливо и применительно к Софоклу. Таких вызывающих восхищение женских фигур, как его Антигона, не найти ни у Еврипида, ни даже у Эсхила.

мять сразу приходит целый ряд имен, от Моисея до Ромула). То же можно сказать о мотивах сна, в котором какой-нибудь предмет чудесно разрастается до колоссальных размеров, например, виноградная лоза (Herod. I. 108), оливковая ветвь (Herod. VII. 19), воткнутый в землю и покрывшийся листьями посох (Soph. El. 417–423), или сна, в котором сновидец вступает в половое сношение с матерью (Herod. VI. 107; Soph. Oed. Rex 984). Такие сны всегда связаны с темой власти, и здесь перед нами тоже элементы общегреческого (и шире, чем греческого) культурного наследия.

Не является свидетельствами заимствований и ряд других примеров совпадения информации в труде «отца истории» и драмах Софокла. Как тот, так и другой говорят об индийском золоте (Herod. III. 94; Soph. Ant. 1038), о лидийских колесницах (Herod. IV. 170, 189; Soph. El. 702), о священной оливе на афинском Акрополе (Herod. VIII. 55; Soph. Oed. Col. 698). Данные факты принадлежали к арсеналу знаний, общих для всех образованных людей V в. до н.э.

Однако существуют и случаи, которые не поддаются столь же простому объяснению. Их необходимо рассмотреть подробнее. В самой поздней, посмертно поставленной трагедии Софокла «Эдип в Колоне» о египетских обычаях говорится следующее:

Там, говорят, мужчины в теремах
Сидят у кросен, жены ж той порою
Вне дома средства к жизни промышляют
(Soph. Oed. Col. 339–341).

Читая эти строки, невозможно не вспомнить знаменитейшее геродотовское описание Египта как страны, в которой «все наоборот»⁴¹ (Herod. II. 35): «Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов». А чуть ниже, в частности, сообщается: «Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут». Вот здесь совпадение⁴² полное и абсолютное, и случайным оно быть не может, тем более что реалию, о которой идет речь, никак не отнесешь к общеизвестным, вроде индийского золота или оливы на Акрополе. Однозначен и ответ на вопрос: кто из двух авторов у кого заимствовал, поскольку «Эдип в Колоне» был написан заведомо позже «Истории» Геродота⁴³.

Далее, у «отца истории» в лидийском логосе (I. 94) встречается нетривиальная и даже парадоксальная мысль о том, что играми можно заглушить голод. Отклик той же мысли обнаруживается и у Софокла, в сохранившейся фрагментарно трагедии «Паламед» (Soph. fr. 479 Radt). Аналогичная ситуация – с другой своеобразной идеей: о том, что некоторые люди, чтобы прославиться, исчезали на время и тем симулировали собственную смерть и последующее воскресение. У Геродота данная идея высказывается в связи с фракийцем Салмоксисом (IV. 95), менее эксплицитно – в

⁴¹ Ср. Brown 1962; Vannicelli 2007.

⁴² Совпадение, отметим сразу, содержательное, но не лексическое. Софокл повсюду заменяет (несомненно, сознательно и намеренно) прозаические слова своего источника – Геродота – поэтическими синонимами (вместо γυναῖκες – σύννομοι, вместо ἄνδρες – ἄρσενες, вместо κατ' οἴκου – κατὰ στεγὰς, вместо ὑφαίνουσι – ἱστουροῦντες и т.п.).

⁴³ Самая поздняя из предлагавшихся дат публикации «Истории» Геродота – около 414 г. до н.э.: Fornara 1971. Гораздо чаще говорят в данной связи о 420-х годах до н.э. Нужно еще учитывать тот хорошо известный факт, что Геродот и до издания труда публично читал его различным аудиториям, в том числе и афинской.

связи с Аристеем Проконнесским (IV. 14). А у Софокла в трагедии «Электра», также признающей одним из поздних его творений⁴⁴, сказано следующее:

О многих слышал я, о мудрых людях,
Что слухи ложные про смерть свою
Они пускали, а затем, вернувшись,
С сугубой славой доживали век
(Soph. El. 62–65).

Обратим внимание еще на бросающийся в глаза параллелизм некоторых образов у двух интересующих нас авторов. У Геродота (VIII. 143) афиняне заявляют, что не примирятся с Ксерксом, «пока солнце будет ходить своим прежним путем». А вот похожий оборот (хотя и совсем в другой связи) у Софокла (Phil. 1329 sqq.), причем снова в одной из самых последних по времени драм:

И не надейся от болезни тяжелой
Другое исцеление найти,
Покуда Солнца колесница эта
Оттуда всходит и туда опять
К закату мчится...

Причем «Солнца колесница» – здесь не более чем добавка переводчика (Ф.Ф. Зелинского), а в оригинале стоит просто ἥλιος, как и у Геродота.

И совсем близки, на сей раз уже не только содержательно, но и текстуально, следующие пассажи. У Геродота в одной из последних глав «Истории» (в эпизоде с наказанием перса Артаикта, осквернившего гробницу Протесилая)⁴⁵ этот герой троянского цикла назван τεθνῶς καὶ τάριχος ἑὼν (умершим и ставшим мумией). А у Софокла во фрагменте драмы «Финей» (Soph. fr. 712 Radt) кто-то (заглавный герой?) охарактеризован так: νεκρὸς τάριχος εἰσορᾶν Αἰγύπτῳ (мертвец, на вид – египетская мумия).

Остановимся, наконец, на самом, пожалуй, известном случае параллели между Геродотом и Софоклом, который, на наш взгляд, должен снять уже всякие сомнения в том, что заимствования поэтом у историка имели место. В геродотовском повествовании (III. 119) жена знатного перса Интаферна, замыслившего мятеж и схваченного, получает от Дария право спасти по своему выбору кого-либо из родственников. Ко всеобщему удивлению, женщина выбирает не мужа и не сына, а брата, аргументируя свое решение так: «Супруг для меня, быть может, найдется (если божеству угодно) и другой, будут и другие дети, если этих потеряю. Но брата уже больше не будет, так как отца и матери у меня уже нет в живых».

Софокловское же соответствие этому эпизоду содержится в «Антигоне», причем оно настолько полное, насколько только возможно. Мужественная фиванка говорит допрашивающему ее Креонту:

Ведь мужа и другого бы нашла я,
И сына возместила бы утрату,
Будь и вдовой я, от другого мужа,
Но раз в аду отец и мать мои –
Другого брата не найти мне боле
(Soph. Ant. 908 sqq.).

⁴⁴ Наиболее вероятны 410-е годы до н.э. (см. Суриков 2002а, 283). Чрезвычайно интересен вопрос о соотношении двух «Электр», еврипидовской и софокловской, из которых одна явно была откликом на другую, но здесь он не может быть подробно рассмотрен.

⁴⁵ Об этом эпизоде см. Desmond 2004.

Пикантность ситуации заключается в том, что у Геродота слова жены Интаферн мотивированы ситуацией, то у софокловской Антигоны – ни в малейшей мере: она – девушка, еще не бывшая замужем и, соответственно, не имеющая детей. Судя по всему, Софоклу настолько понравился геродотовский афоризм, что он включил его в свое произведение, даже не посчитавшись с тем, как плохо он ложится в контекст. Данное совпадение отмечалось неоднократно⁴⁶ и, разумеется, признавалось всеми⁴⁷ как доказательство влияния «Истории» Геродота на Софокла.

* * *

Подведем некоторые предварительные итоги тому, что было сказано выше. Некоторые из параллельных мест у Софокла и Геродота действительно не свидетельствуют о знании драматургом труда «отца истории» (в частности, это относится к пассажам о египетских животных⁴⁸), однако есть и такие совпадения, которые со всей безусловностью демонстрируют такое знание.

Разумеется, А.А. Синицын не может не отдавать себе в этом отчет, поэтому специально и неоднократно оговаривает: знакомство одного автора с произведениями другого само по себе еще не означает их личного знакомства, тем более близости. Мысль, безусловно, верная, даже сама собой разумеющаяся. Факт их дружбы выводится не только из параллельных мест, но также, как отмечалось в начале данной статьи, еще и из отрывка стихотворения Софокла, сохранившегося в «Моралиях» Плутарха (785b). Поскольку теперь нам предстоит перейти к анализу этого сюжета, то необходимо процитировать небольшой фрагмент, о котором идет речь.

ὄδῃν Ἡρόδοτος τεῦξεν Σοφοκλῆς ἐτέων ὄν
λέντ' ἐπὶ λεντήκοντα...

Песнь Геродоту сложил Софокл, когда лет ему было
Пять да еще пятьдесят...⁴⁹

Перед нами – элегический дистих с утраченной второй половиной пентаметра. Последнее обстоятельство всегда представлялось особенно интригующим и неоднократно побуждало исследователей и издателей реконструировать содержимое ла-

⁴⁶ См. одну из последних работ: Dewald, Kitzinger 2006.

⁴⁷ Кроме тех, кто предлагал атетировать все это место из «Антигоны» как позднейшую вставку, не принадлежащую автору. Например, в квадратные скобки заключено оно в отечественном академическом издании: Софокл 1990, 154. И в комментарии к пассажи (Софокл 1990, 560–561) В.Н. Ярхо отрицает его подлинность. Вряд ли подобную позицию поддержал бы сам Ф.Ф. Зелинский: этот выдающийся филолог экспрессивно выступал против самочинных вторжений издателей в текст античных памятников. Не забудем и о том, что приведенные строки из «Антигоны» цитирует уже Аристотель (Rhet. III. 1417a30 sqq.), что делает возможность интерполяции и совсем уже маловероятной.

⁴⁸ Иначе нам пришлось бы уподобиться некоторым позднеантичным авторам, которые, например, обвиняли Геродота в плагиате у Гекатея только на том основании, что у обоих историков содержатся рассказы о гиппопотамах, об охоте на крокодилов, о птице Фениксе и т.п. Подробнее см. Суриков 2007б, 14–15, прим. 22.

⁴⁹ Перевод наш. А.А. Синицын справедливо критикует существующие переводы Ф.Ф. Зелинского, Д. Усова и др., в которых фигурирует выражение «песнь (песню) *стио*». Действительно, ни из чего не следует, что ὄδῃν в приведенном отрывке стихотворения означает само это стихотворения; никакого указательного местоимения мы не находим. Да и крайне маловероятно, чтобы Софокл назвал эпиграмму одой. При всей расплывчатости жанровых границ в доалександрийский период (см. об этом: Рабинович 2007, 37 слл.), перед нами два уж слишком разных жанра, чтобы их можно было смешать друг с другом. Речь здесь у Софокла явно идет о какой-то другой «песни» (подробнее см. ниже).

куны. Например: $\acute{\rho}\acute{\epsilon}\nu\tau\prime \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\tau\prime$ [$\acute{\alpha}\rho\acute{\iota}\theta\mu\acute{o}\varsigma \eta\delta\acute{\epsilon} \phi\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$], или $\acute{\rho}\acute{\epsilon}\nu\tau\prime \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\tau\prime$ [$\acute{\omicron}\nu\tau\iota \delta\iota\varsigma \acute{\epsilon}\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\tau\acute{\omega}\nu$], или $\acute{\rho}\acute{\epsilon}\nu\tau\prime \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\theta\prime$ [$\acute{\epsilon}\xi\acute{\alpha}\kappa\iota\varsigma \acute{\epsilon}\rho\tau\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota$], и т.п. А.А. Синецких относится к подобным восстановлениям с иронией, называет их «игрой», «вольными дополнениями»⁵⁰ (хотя вообще-то научная реконструкция несохранившихся частей текста – вещь совершенно нормальная в антиковедении; на этом, в частности, зиждется вся современная эпиграфика) и с ходу выдвигает, как он выражается, «ради шутки», несколько собственных, альтернативных вариантов восстановления⁵¹, которые, по его мнению, ничем не уступают предлагавшимся ранее, поскольку все в равной мере недостоверны.

К сожалению, мы вынуждены разочаровать коллегу. У реконструкций, предлагавшихся филологами XIX в., есть то принципиальное преимущество, что они хотя бы теоретически допустимы, следовательно, имеют право на существование. Они не противоречат нормам греческой грамматики, лексики, фонетики, метрики. А как в этом отношении обстоят дела с тем, что предлагает А.А. Синецких?

$\acute{\rho}\acute{\epsilon}\nu\tau\prime \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\theta\prime$ [$\tau\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\kappa\iota\varsigma \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota$]. Во-первых, лексема $\tau\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\kappa\iota\varsigma$ – из лаконского варианта дорийского диалекта, и странно встретить ее в элегическом дистихе, где дорицизмы не употреблялись; должно было бы быть $\tau\rho\acute{\iota}\varsigma$. Во-вторых, в конструкции $\rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\theta\prime \tau\rho\acute{\iota}\acute{\alpha}\kappa\iota\varsigma$ допускается совершенно невозможное фонетическое явление – элизия гласного перед согласным (даже перед двумя согласными), да еще и с переходом предшествующего согласного в придыхательную степень: $\tau \rightarrow \theta$. В-третьих, не выдерживается метрическая схема второго полустишия пентаметра, которая является инвариантной: $-\ \cup\ \cup\ | -\ \cup\ \cup\ | -$. У А.А. Синецких выходит, что дактиль, открывающий восстанавливаемый отрезок, начинается с краткого слога, а кончается долгим.

$\acute{\rho}\acute{\epsilon}\nu\tau\prime \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \rho\acute{\epsilon}\nu\tau\eta\kappa\omicron\nu\theta\prime$ [$\rho\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota$]. К сочетанию $\nu\theta\prime \pi$ – ровно те же фонетические претензии, что и в предыдущем случае. Кроме того, правильные дактили опять не получаются: первый заканчивается долгим слогом, второй – начинается кратким.

Думается, сказанного достаточно. И вряд ли спасает оговорка автора, что все это предлагается «для шутки». Во-первых, не думаем, что исследовательская работа – подходящее место, в котором можно делать что бы то ни было для шутки. Во-вторых, для шутки ли, не для шутки ли – но всё-таки восстановления предложены, то есть предполагается, что они имеют право на существование. И читатель, естественно, обязан отнестись к любой попытке заполнения лакуны всерьез.

Нельзя даже в шутку приводить конъектуры, которые заведомо невозможны, поскольку ошибочны. Иронизируя над «мэтрами», автор рассматриваемой здесь гипотезы не замечает очевидной вещи: то, что предлагают они, Софокл, по крайней мере, *мог* написать (хотя, естественно, и неизвестно, написал ли). А то, что предлагает сам А.А. Синецких, Софокл написать решительно *не мог*. Разве что он взял себе в соавторы кого-нибудь из тех самых скифов-полицейских...

Из реконструкций А.А. Синецких сразу заметно, что в них адресатом эпиграммы Софокла предстает совсем молодой человек. Это не случайно: исследователь, отрицая близость Софокла и Геродота-историка, считает более вероятным, что софокловское стихотворение посвящено другому Геродоту – юноше, в которого поэт был влюблен. Соответственно, подробно, на многих страницах⁵² он приводит свидетельства о том, что Софокл неравнодушно относился к мальчикам. С

⁵⁰ Синецких 2008а, 387–388.

⁵¹ Синецких 2008а, 405.

⁵² Синецких 2008а, 393–407.

последним невозможно спорить, однако следует оговорить, что эта черта характеризовала Софокла ровно в такой же степени, как и подавляющее большинство других представителей эллинской цивилизации его времени: об интегральной роли гомосексуальной составляющей в жизни этого социума вряд ли неизвестно хоть кому-нибудь из специалистов⁵³. Иными словами, данный аргумент (поскольку он представляет в качестве специфической личной особенности Софокла то, что таковой не является) вряд ли имеет серьезную доказательную силу.

Главное, однако, даже не в этом. Если галикарнасец Геродот, автор «Истории», – лицо реальное, безусловно существовавшее, да и факт его визита или визитов в Афины подтверждается со всей надежностью, то ни о каком мальчике Геродоте, возлюбленном Софокла, в источниках ничего не сообщается. В сущности, это фиктивная фигура, введенная для того, чтобы оспорить традиционную точку зрения и настоять на том, что эпиграмма адресована не историку, а какому-то другому Геродоту.

Приводя обильный просопографический материал о носителях имени Геродот в разные периоды античности⁵⁴, А.А. Сеницын подводит читателей к мысли, что само это имя было достаточно распространенным. Никто с данным тезисом не будет спорить, и понятно, что, строго говоря, невозможно доказать со стопроцентной уверенностью тождество адресата эпиграммы с «отцом истории». Более того, при столь формально-ригористичном подходе можно сказать, что и Софокл, автор стихотворения, не имеет ничего общего с Софоклом-драматургом: ведь имя Софокл тоже никак не отнесешь к редким.

История и филология имеют дело со сферой не точного, а гуманитарного знания, и приходится мириться с тем, что многие вещи мы можем утверждать не категорично, а с той или иной степенью вероятности, и не требовать большего. Однако ведь и вероятность бывает разной. Если подходить к вопросу не формально, а с учетом исторического контекста, то совершенно ясно: предположение, что сохранилась эпиграмма, посвященная трагедиографом Софоклом историку Геродоту, несравненно более вероятно, чем предположение, что перед нами «не тот» Геродот и «не тот Софокл».

Помимо прочего, еще и вот почему. Имена этих двух личностей у Плутарха стоят без каких-либо пояснений, как употребляли имена лишь великих людей, идентичность которых при упоминании не могла у кого-либо вызвать сомнение. В Греции было много Софоклов и немало Геродотов, но был только один *великий* Софокл и только один *великий* Геродот. Это как если бы мы где-нибудь в источнике встретили фразу типа «Однажды Аристотель сказал Александру...» и т.д. Формально говоря, мы тоже вроде бы не можем быть уверены, что речь идет именно о философе Аристотеле и Александре Македонском. И Аристотелей, и особенно Александров было в эллинском мире хоть пруд пруди. И однако же ни один ученый, прочтя подобную фразу, по понятным причинам ни на минуту не усомнится, что в источнике фигурируют «те самые» Аристотель и Александр, а не какие-нибудь другие. Иначе античным автором было бы специально разъяснено,

⁵³ См. по сюжету прежде всего классическую работу: Dover 1983 (ссылаемся на немецкое издание, как на более позднее по времени по сравнению с первоначальным английским и, соответственно, более полное). Кстати, в отличие от специалистов, лица, не занимавшиеся специально историей античности, в большинстве своем пребывают в неведении относительно этой стороны эллинского бытия и, узнав о ней, испытывают сильное удивление, а то и шок.

⁵⁴ Сеницын 2008а, 390 слл.

какие конкретно носители названных имен имеются в виду. Случай с Геродотом и Софоклом абсолютно аналогичен.

Однако А.А. Сеницын ведет «атаку» на отрывок софокловского стихотворения еще и по другому направлению. Он полагает, что это – сомнительный, недостоверный, даже странный текст, который на деле Софоклу вообще не принадлежит, а является собой позднеантичную подделку, сделанную кем-то «неудачную интерполяцию» в «Моралии» Плутарха⁵⁵. Цель же вставки заключалась именно в том, чтобы поддержать выдуманными фактами легенду о дружбе Геродота и Софокла. Кстати, тем самым А.А. Сеницын косвенно признает, что эта «легенда» (которую мы, повторим, легендой не считаем) имеет, во всяком случае, античное происхождение, а не сочинена представителями историографии XIX–XX вв.

Как бы то ни было, объявлять какой-либо памятник неаутентичным – заявка очень серьезная и ответственная. Такими вещами не шутят. На том, кто решается делать это, лежит *onus probandi* – привести чрезвычайно веские обоснования и доказательства, такие, которые убедили бы не только самого автора, но и его коллег. Тем более что в данном случае речь идет об опровержении абсолютно общепринятого мнения: из сотен работ, в которых писалось о рассматриваемом фрагменте эпиграммы, кажется, ни в одной не выражено сомнение в его подлинности. И все исследователи, занимавшиеся отрывком (а среди них были настоящие корифеи классического антиковедения), приходили, в общем, к одним и тем же выводам о дружеских связях двух выдающихся деятелей культуры, – разве что высказывали эти выводы с разной категоричности.

У А.А. Сеницына, впрочем, есть простой ответ на вопрос о причинах подобной ситуации: все эти сотни ученых читали фрагмент изолированно, в изданиях сочинений Софокла, а не в его непосредственном контексте, в «Моралиях» Плутарха, иначе они заметили бы его неуместность в данном контексте. Или же они вообще переписывали друг у друга, повторяя из работы в работу один и тот же тезис. Однако нам, признаться, весьма трудно поверить в подобное развитие события. Возможно, в каких-то конкретных случаях так оно и было: недобросовестные работники есть в любой области. Но то, что будто бы ни один (!) из сотен так-таки никогда и не открыл указанное место Плутарха, а первым и единственным это сделал А.А. Сеницын, – представляется совершенно невозможным. Уж, по крайней мере, немецкие филологи XIX в. (а именно они внесли наибольший вклад в формирование в историографии идеи о дружбе Софокла и Геродота) отличались сугубой скрупулезностью и тщательностью в работе. Наверное, были античные авторы, которые ускользали даже и от их внимания. Но вряд ли среди таковых следует числить Плутарха – писателя, который на протяжении веков оставался одним из самых популярных и часто читался.

Но что же все-таки дает А.А. Сеницыну повод утверждать недостоверность фрагмента? В интересующей нас части «Моралий» – в трактате «Следует ли старику управлять государством» – Плутарх приводит примеры бодрой, деятельной старости некоторых известных людей. Разумеется, заходит речь и о Софокле (что вполне естественно, ибо мало есть более удачных иллюстраций к данному тезису, чем драматург, проживший более 90 лет и до конца дней своих оставшийся творчески активным). Приводится хрестоматийный эпизод суда над престарелым Софоклом по обвинению в безумии, на котором поэт блистательно оправдался, просто прочтя часть написанного, но еще не поставленного «Эдипа в Колоне». А далее сказано: «И вот эта небольшая эпиграмма, по общему согласию, принадле-

⁵⁵ Сеницын 2008а, 412.

жит Софоклу»⁵⁶, – и процитирован уже знакомый нам фрагмент, в котором автор обозначает свой возраст на момент написания «песни» Геродоту – 55 лет.

На первый взгляд, действительно возникает неувязка: пятидесятипятилетний возраст никоим образом не считался в античности глубокой старостью. Однако неувязка эта – кажущаяся, обусловленная только тем, что до нас не дошло все стихотворение и мы незнакомы с его дальнейшим содержанием после процитированных полутора стихов. А Плутарх и его античная аудитория, несомненно, знали эпиграмму целиком⁵⁷; потому-то херонейский моралист и счел необходимым привести только самое ее начало, поскольку предполагалось само собой разумеющимся, что культурный читатель тут же вспомнит полный текст произведения, достаточно лишь оживить в его памяти первую строку. Кстати, и по сей день широко распространена подобная практика – цитирование только первой строки из очень известных стихов («Я помню чудное мгновенье...») и т.п.) в расчете на то, что последующие строки всем и так прекрасно известны.

Конкретные полторы строки о Софокле и Геродоте и на самом деле не коррелируют с контекстом пассажа. Но, значит, далее в эпиграмме имелось что-то, что с ним коррелировало, согласовывалось с рассказом о Софокле на суде, – например, присутствовали некие датирующие моменты. Выход из положения, в частности, удастся найти посредством следующих соображений. Как отмечалось выше, ὀδῆ, написанная Софоклом в возрасте 55 лет и упоминаемая в нашей эпиграмме, не тождественна самой этой эпиграмме. Стало быть, последняя создана позже, причем, возможно, значительно позже.

В подобных условиях можно попытаться реконструировать (разумеется, весьма и весьма приблизительно) смысл цитируемого Плутархом стихотворения. Он будет примерно таким: «Геродоту сложил песнь Софокл, когда ему было 55 лет, а тому – столько-то»⁵⁸. А теперь Геродота уже нет в живых, а Софоклу – (e.g.) 85». Конечно, последняя цифра чисто условна. Вместо нее могла стоять какая-нибудь другая – но обязательно весьма высокая для человеческого возраста, что и позволило Плутарху упомянуть эпиграмму в контексте рассказа о старцах.

Мы прекрасно сознаем, что наше построение вполне гипотетично. Но хуже ли конструктивная гипотеза (при условии, что она не противоречит наличным фактам и также не содержит внутренних противоречий), чем деструктивный, тотальный скептицизм?

Как бы то ни было, все это имели в виду выдающиеся антиковеды, которые признавали аутентичность фрагмента стихотворения Софокла, не видели в нем ни противоречия контексту, ни нелепости, ни поздней фикции, а, напротив, считали его важным свидетельством близких отношений между драматургом и историком. Они делали это вполне осознанно, взвесив все pro и contra, а отнюдь не занимаясь слепым заимствованием мысли друг у друга, как кажется А.А. Сеницыну.

И последнее. Если бы постулируемый этим исследователем анонимный позднеантичный интерполятор действительно хотел породить некую легенду о дружбе Софокла и Геродота, – он, будем уверены, нашел бы лучший способ достигнуть этой цели. Что мешало ему сочинить (как многократно делалось) красивое посла-

⁵⁶ Τοῦτ' ἰ δ ὁμολογουμένως Σοφοκλέους ἐστὶ τοῦτ' ἰγραμμάτιον. Перевод А.А. Сеницына (2008а, 387, 409) менее точен.

⁵⁷ Обратим в связи с этим внимание на употребленное Плутархом наречие ὁμολογουμένως, которое именно и указывает на всеобщую известность памятника.

⁵⁸ 43, если исходить из традиционной даты рождения Геродота, приводимой Геллием. Однако, как мы видели выше, эта дата вряд ли предельно точна.

ние Софокла Геродоту, причем полное, а не фрагментированное? Вне сомнения, он не стал бы ограничиваться неудобопонятными полтора стихами. Исходя из широко примененного принципа *lectio difficilior* опять же делаем вывод об отсутствии интерполяции, о подлинности цитированных строк.

* * *

В пылу гипертрофированного скептицизма легко объявить «мифами» очень, очень многое из арсенала наших знаний об античности. Как известно, разрушать вообще намного легче, чем созидать. И в наши дни это еще легче, чем когда-либо, ввиду все более возрастающего в антиковедении влияния постмодернистской парадигмы⁵⁹, прямо приравнивающей историческое знание как таковое к мифу⁶⁰. В русле подобного подхода вряд ли имеет смысл вообще говорить о «фактах» или «истине»; на их место встают пресловутые «места памяти» (чрезвычайно популярный в современной западной историографии термин). В результате историю снова и снова начинают писать «с нуля» – не столько в фактологическом, сколько в эпистемологическом плане. На место старых стереотипов порождаются новые. А познавательная ценность стереотипа близка к нулевой, вне зависимости от степени «современности» этого стереотипа.

Не скроем, что подобная позиция, с ее откровенным агностицизмом и субъективизмом, нам крайне не близка, поскольку в своем предельном выражении она приводит к саморазрушению исторической науки, ставит под сомнение само ее существование. Если вся история сводится к мифам и представлениям, одним словом, к ментальным конструкциям, то не лучше ли, чтобы ею занимались, допустим, социальные психологи – как люди более к этому подготовленные? По утверждению того же Поля Вена, «существуют лишь гетерогенные программы истины, и труды Фюстеля де Куланжа не более и не менее истинны, чем создания Гомера»⁶¹. Нельзя не заметить, что так, помимо прочего, получают косвенное оправдание писания Фоменко и ему подобных: просто у них, дескать, тоже своя «программа истины», на которую они имеют право.

На А.А. Сеницына постмодернистское течение, бесспорно, оказало некоторое влияние (через семинар В.Ю. Михайлина). В результате – некоторая легкость в обращении с фактами, с источниками... А как иначе, если воспринимать прошлое как калейдоскоп «виртуальных реальностей»? Почему бы тогда не предлагать каких угодно реконструкций, не постулировать интерполяции по собственному произволу?

Мы же убеждены, что *ceteris paribus* традиционные, выношенные многими поколениями точки зрения имеют преимущество перед «модными» построениями, – разумеется, до тех пор, пока традиционное видение не перерождается в косное и отсталое. А по сюжету, которому посвящена данная статья, *communis opinio* очевидным образом еще рано отбрасывать: слишком многое говорит в его пользу. Не

⁵⁹ При том, что во многих других областях исторического знания, куда «постмодерн» пришел раньше, чем в антиковедение, он уже исчерпал себя и начал уходить, уступая место, как выражаются, некому «пост-постмодерну»: Румянцева 2007, 111, 117.

⁶⁰ Ионов 2007, 244. Применительно к античности постмодернистская установка проявляется особенно акцентированно в работах Поля Вена: Вен 2003а; Вен 2003б. Ср. вескую критику, которой подвергает крупнейший специалист постмодернистскую парадигму применительно к изучению истории античной демократии: Rhodes 2003, 9 ff.

⁶¹ Вен 2003а, 30.

встречаться в Афинах Софокл и Геродот просто не могли: ведь круг культурной элиты, местной и приезжей, был в полисных условиях не так уж и широк. Как о драматурге, так и о историке известно, что они были людьми общительными и, следовательно, вряд ли взаимно упустили бы случай свести полезное и приятное знакомство. А учитывая схожесть мировоззрения, знакомству тем проще было перерасти в дружбу. Напомним, что в нашем распоряжении есть параллельные места у двух авторов, часть которых никак не могут быть случайными совпадениями; напомним и о фрагменте софокловской эпитафии, в котором только при очень уж больших усилиях можно увидеть неаутентичный или иррелевантный источник.

В заключение подчеркнем: с гипотезой А.А. Сеницына мы принципиально не согласны, но это не означает отрицательной оценки нами его исследований. Они вызывают живой интерес, будят мысль, побуждают к полемике, что, безусловно, относится к достоинствам. «Гладкие и правильные» работы, в которых все верно и спорить не с чем, как правило, скучны и банальны.

Литература

- Белых Ю.* 2009: Греческая история в 2-х томах. Изд. 3-е. Т. 1. М.
- Вен П.* 2003а: Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.
- Вен П.* 2003б: Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* 1982: Народы нашей страны в «Истории» Геродота». М.
- Евдокимов П.А.* 2004. Элида и управление Олимпийским святилищем в VIII–V вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зелинский Ф.Ф.* 1912: Софокл и Геродот (новые данные) // Гермес. 15 (101), 379–380.
- Иванчик А.И.* 2002: Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 3, 33–55; 4, 23–42.
- Ионов И.Н.* 2007: Национальные мифы, цивилизационный дискурс и историческая память в XVII–XIX вв. // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 21, 243–273.
- Касаткина Н.А., Антонов В.В.* 1999: Внутриполитическая борьба в Афинах в середине 40-х гг. V в. до н.э. и основание Фурий // Из истории античного общества. 6, 55–63.
- Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* 1984: Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М.
- Лурье С.Я.* 1947а: Геродот. М.–Л.
- Лурье С.Я.* 1947б: Очерки по истории античной науки. М.–Л.
- Магаффи Дж. П.* 1882: История классического периода греческой литературы. Т. 1. М.
- Рабинович Е.Г.* 2007: Мифотворчество классической древности. СПб.
- Румянцева М.Ф.* 2007: «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 21, 106–118.
- Сеницын А.А.* 2006: Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // Античный мир и археология. 12, 363–405.
- Сеницын А.А.* 2008а: Plut. Mor. 785 b: критические замечания о достоверности источника // Мнемон. 7, 377–418.
- Сеницын А.А.* 2008б: Софокл и скифский логос Геродота // Археология Восточно-Европейской степи. 6, 269–292.
- Скржинская М.В.* 1985: Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла // ВДИ. 2, 142–148.
- Скржинская М.В.* 1991: Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев.
- Соболевский С.И.* 2000: Древнегреческий язык. СПб.
- Софокл* 1990: Драмы / В пер. Ф.Ф. Зелинского. Издание подготовили М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М.
- Строгецкий В.М.* 1987: Политика Афин в Западном Средиземноморье в середине V в. до н.э. и проблема основания колонии Фурии // Город и государство в античном мире / Э.Д. Фролов (ред.). Л., 55–79.
- Суриков И.Е.* 1997: Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 4, 14–35.
- Суриков И.Е.* 1999: Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник. 4–5, 187–193.

- Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и классической эпох. М.
- Суриков И.Е. 2001: Олимпийские игры и греческая скульптура конца VI–V вв. до н.э. // *Античность: общество и идеи* / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 256–274.
- Суриков И.Е. 2002а: Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М.
- Суриков И.Е. 2002б: Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 1, 15–24.
- Суриков И.Е. 2005: Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Л.П. Репина (ред.). М., 89–104.
- Суриков И.Е. 2006: Адам и ... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного греческого полиса) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 12, 23–47.
- Суриков И.Е. 2007а: Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.
- Суриков И.Е. 2007б: Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи») // *Исседон*. 4, 7–25.
- Суриков И.Е. 2008а: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.
- Суриков И.Е. 2008б: ЛОГОГРАФОИ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2, 25–37.
- Суриков И.Е. 2008в: История в драме – драма в истории: некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // *Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории* / Л.П. Репина (ред.). М., 371–409.
- Суриков И.Е. 2009а: Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 1, 29–53.
- Суриков И.Е. 2009б: Галикарнасский закон V в. до н.э. (надпись ML 32) как эпиграфический памятник и исторический источник // *Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI Международной научной конференции* / М.Ф. Румянцев (ред.). М., 330–333.
- Туманс Х. 2002: Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб.
- Фролов Э.Д. 1998: Скифы в Афинах // ВДИ. 1, 135–152.
- Bennett L.J., Tyrrell W.B. 1990: Sophocles' Antigone and Funeral Oratory // *AJPh*. 111, 4, 441–456.
- Bichler R., Rollinger R. 2000: Herodot. Hildesheim.
- Blundell M.W. 1991: Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics. *Cambr.*
- Braund D. 2006: In Search of the Creator of Athens' Scythian Archer-police: Speusis and the «Eurymedon Vase» // *ZPE*. 156, 109–113.
- Brown T.S. 1962: The Greek Sense of Time in History as Suggested by their Accounts of Egypt // *Historia*. 11, 3, 257–270.
- Calder W.M. 2006: *Theatrokratia: Collected Papers on the Politics and Staging of Greco-Roman Tragedy*. 2 ed. Hildesheim.
- Desmond W. 2004: Punishments and the Conclusion of Herodotus' *Histories* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 44, 19–40.
- Dewald C., Kitzinger R. 2006: Herodotus, Sophocles and the Woman who Wanted her Brother Saved // *The Cambridge Companion to Herodotus* / C. Dewald, J. Marincola (eds.). *Cambr.*, 122–129.
- Dover K.J. 1983: *Homosexualität in der griechischen Antike*. München.
- Egermann F. 1962: Herodot – Sophokles. Hohe Arete // *Herodot: Eine Auswahl aus der neueren Forschung* / W. Marg (hrsg.). München, 249–255.
- Ehrenberg V. 1956: *Sophokles und Perikles*. München.
- Ehrenberg V. 1965: *Polis and Imperium: Beiträge zur alten Geschichte*. Zürich – Stuttgart.
- Fornara Ch.W. 1971: Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *JHS*. 91, 25–34.
- Forsdyke S. 2001: Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // *AJPh*. 122, 329–358.
- Fowler R. 2003: Herodotus and Athens // *Herodotus and his World* / P. Derow, R. Parker (eds.). *Oxf.*, 303–318.
- Griffin J. 2006: Herodotus and Tragedy // *The Cambridge Companion to Herodotus* / C. Dewald, J. Marincola (eds.). *Cambr.*, 46–59.
- Hart J. 1982: *Herodotus and Greek History*. N.Y.
- Hartog F. 1980: *Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre*. P.
- Hornblower S. 2006: Herodotus' Influence in Antiquity // *The Cambridge Companion to Herodotus* / C. Dewald, J. Marincola (eds.). *Cambr.*, 306–318.

- How W.W., Wells J.* 1989: A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. Vol. 1. Repr. ed. Oxf. – N.Y.
- Irwin T.H.* 1985: Permanent Happiness: Aristotle and Solon // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 3, 89–124.
- Jacoby F.* 1913: Herodotos // RE. Supplbd 2. 205–520.
- Ker J.* 2000: Solon's Theōria and the End of the City // Classical Antiquity. 19, 2, 304–329.
- Kukofka D.-A.* 1992: Sophokles: Oidipus auf Kolonos. Eine Interpretation vor dem Hintergrund der Polis Athen am Ende des fünften Jahrhunderts // Gymnasium. 69, 101–118.
- Lenkle O.* 1992: Einführung in die griechische Geschichtsschreibung. Darmstadt.
- Lloyd A.B.* 1975: Herodotus Book II. Introduction. Leiden.
- Loraux N.* 1981: L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P.
- Marincola J.* 2001: Greek Historians. Oxf.
- Moles J.* 2002: Herodotus and Athens // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.). Leiden – Boston, 33–52.
- Ostwald M.* 1991: Herodotus and Athens // ICS. 16, 1/2, 111–124.
- Piccirilli L.* 1976: Erodoto e l'apodemia di Solone // Contributi di storia antica in onore di A. Garzetti. Genova, 23–30.
- Podlecki A.J.* 1977: Herodotus in Athens? // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to F. Schachermeyr on the Occasion of his 80th Birthday. K.H. Kinzl (ed.). B., 246–265.
- Reeker H.-D.* 1971: Solons Reisen // Antike und Abendland. 17, 2, 96–104.
- Rhodes P.J.* 2003: Ancient Democracy and Modern Ideology. L.
- Robinson E.W.* 1997: The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart.
- Said S.* 2002: Herodotus and Tragedy // Brill's Companion to Herodotus / E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.). Leiden – Boston, 117–147.
- Schachermeyr F.* 1968: Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien.
- Solmsen F.* 1974: Two Crucial Decisions in Herodotus. Amsterdam–London.
- Stadter Ph.* 1991: Pericles among the Intellectuals // ICS. 16, 1/2, 111–124.
- Strasburger H.* 1955: Herodot und das perikleische Athen // Historia. 4, 1, 1–25.
- Surikov I.* 2009: Herodotus' *Histories* and Athenian Aristocracy // International Quadrennial Conference: Hellenic Dimension: Studies in Language, Literature, Culture. Riga, 32.
- Vannicelli P.* 2007: Herodotus' Egypt and the Foundations of Universal History // The Historian's Craft in the Age of Herodotus / N. Luraghi (ed.). Oxf., 211–240.
- Wade-Gery H.T.* 1958: Essays in Greek History. Oxf.
- Weber L.* 1935: Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede. Frankfurt am Main.
- Whitman C.H.* 1951: Sophocles: A Study of Heroic Humanism. Cambr. Mass.
- Will W.* 1995: Perikles. Reinbek.
- Will W.* 2003: Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn.
- Ziolkowski J.* 1981: Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. N.Y.

DID HERODOTUS AND SOPHOCLES TAKE NO NOTICE OF EACH OTHER?

(To the Evaluation of a Recent Hypothesis)

I.E. Surikov

There is a common opinion that Sophocles and Herodotus were intimate with each other. Two main arguments are cited: presence of parallel places in both authors, which may be a sign of borrowing, and an epigram by Sophocles mentioning Herodotus (only its beginning is known, preserved in Plutarch's *Moralia*). Recently A.A. Sinizin called this common opinion in question. He noted reasonably that some of the parallel passages in Herodotus and Sophocles may well be purely coincidences.

However, some other correspondences can by no means be fortuitous. As to the epigram, Sinizin denies Sophocles' authorship and takes it for a late interpolation. But his arguments for such a crucial thesis are manifestly weak. Therefore, the traditional point of view still stands firm, and we see no forcible ground for an assertion that the dramatist and the historian were not even familiar with each other.